

**ЭКЛЕКТИЧНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК АВТОРИТАРНАЯ
МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ
АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ**

Костенич Владимир Анатольевич

доцент кафедры философии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат философских наук, доцент (г. Могилев, Беларусь)

В статье подвергаются критическому рассмотрению ценностные (дез)ориентации таких ментальных и социальных практик, как эклектика и плюрализм. Обосновывается их мировоззренческий радикализм, нацеленный на интеллектуальную и цивилизационную обструкцию общечеловеческих констант понимания толерантности в угоду эгоистичным притокам отдельных субкультурных образований и риторических векторов.

Одним из культурно-исторических завоеваний просвещенческого Разума явилось *системно фундированное мышление о бытии* в его кодифицированных формах «*наукоцентричного синтаксиса*», ориентированного на ценностные мотивации поиска *единого смыслового знаменателя* для (внешне) разнородных сущностных реальностей. Мир (во всех своих многообразных проявлениях) был интеллектуально предзадан в

«ракурсе тотальной связности», фиксируемой посредством рациональных выверенностей Понятия, отсеивающих «строительные леса попутных ассоциаций», их радиационный фон афористических соблазнов Мысли. Человечество рассудочно (у)смириво вольности «нестрогой смысловречи» в тех областях своей жизнедеятельности, которые нуждались в аксиологической внятности и стабильности, в общечеловеческой ответственности за эксплицитные понимания его экзистенциальных горизонтов и оснований. Монизм (как духовная установка) обрёл статус социокультурного тренда, а всё эклектично-сбирательное, беспопорно-случайное, образно-шатающееся, плюралистически-всей(яд)ное, восточно-медиумное сместилось в зоны искусно-искусственного, виртуально-игрового и эзотерично-гламурного. Позитивизм и схоластика парадоксально бракосочетались перед лицом своих исторических визави в лице софистических шулеров и символических бродяг, кинически развенчавших «церберов классицизма» в любой из его контекстных ипостасей. Русская софиология оказалась в положении «компромиссной маргинальности», ибо в своей «критике отвлеченных начал» (западного рационализма) нередко сама грешила системными апломбами и сермяжной патетикой литературных манифестаций, совмещающая «мышление совестью» с эстетикой сентенций.

Начиная с середины XX века и вплоть до настоящего времени траектория аксиологических приоритетов в интерпретации (любого) бытия резко качнулась в сторону «безбрежного вольнодумства», методологического (!) анархизма (Фейерабенд) и постмодернистского фронтёрства по отношению ко всем «логоцентричным святыням», в какой бы из версий социальных практик они не обитали. Глобалистский фантом ментально инициировал перестройку смысловых координат, причудливо связав их политэкономические мир-системные консолидации с хронической диверсификацией культурологических акцентов в сторону *хайп-фривольности воинствующих субкультурных меньшинств и различного рода «мировоззренческих кочевников»*. (Само)мнение и мнительность разномастных социальных аутсайдеров и гедонистических смакоблудов было «возведено в Абсолют» и позиционировано в качестве дымовой завесы для исторических тенденций узурпации воли к власти со стороны мифократических элит оруэлловского пошиба. Аксиологическая деградация «человеческого в человеке» обрела ницшеанский пафос и всемирный масштаб, пассионарно варваризируя всё новые и новые пространства этической вменяемости и личностной допустимости. На уровне смысловых ломок отдельных проекций человеческого бытия эти ретроградные «футуршоки» можно (выборочно) описать в перечне следующих (модных) «умонастроений текущей современности».

Мировоззренческая эклектичность под плюралистическим прикрытием. «Эклектика» всегда воспринималась «системно-рациональной» в качестве «неряшливого мышления» и мировосприятия, путающегося в своих исходных основаниях и готового «объять необъятное», исходя из *гносеологического принципа беспринципности. Эклектическая парадигма паразитировала на «многообразии Многогого*, где каждое из «смысловых множеств» обрело статус равновеликого всем остальным «подмножества истинноподобия» и где их «интеллектуальная совокупность» рассматривалась в ракурсе перестраховочного «критерия основательности» для перформанса игры обобщений. Односторонне гипертрофировалась диалектическая идея всеобщей взаимосвязи при одновременном игнорировании сложных бытийных корреляций различных качественных определенностей, наделённых нередуцируемой уникальностью. «Единство мира» помещалось в механическую рамку «многосторонности, недоосмысленной до «эйдосов Изначального».

В современном же мире интеллектуальная эклектика обрела собрата по интенциям в лице социального плюрализма, провозгласившего атональный шабаш мигрантских орд, космополитических реверансов и мировоззренческих терминаторов. Отныне «(единого, аксиологического) Бога нет и потому всё дозволено», отныне «разрешено всё, что не запрещено», отныне «прав тот, у кого больше прав», если он способен эти «права» авторитарно (де факто) практиковать, без оглядки на моральные соображения. *Разумность трансформировалась в «прагматическую рациональность»*, в бартерный обмен «одолжениями», сместивших с духовного пьедестала императивность

(бескорыстного) должного. Эклектичное «прихотьмышление» вкупе с плюралистической «всеинаковостью» вступили в социально-исторический сговор против общечеловеческих идейных оснований, дабы подвергнуть их мировоззренческой коррозии и перекодировке.

Генограммы «кочевой пришлости», гендерных истончений, номиналистических деструкций терминологического словаря культуры, методологической псевдоэрудиции и эссеистских «пробежек мысли» начали рекультивировать смысловой ландшафт человеческого бытия по направлению к изначальным форматам животной, девиантной и мелочно-мстительной риторики сектанствующих группировок. На эклектично-плюралистической авансцене современности (объявились «пост(новые)левые», отвергающие и свергающие прежние идеалы человеческой ликости, бытийного единства разнородного, традиций национального достоинства и суверенности, понятийных эстафет и иерархий умозаключения, репродуктивных берегов природного естества.

Тотемы мультикультурализма. Западная цивилизация, испытывая «историческую вину» за многообразные «крестовые (колониальные) походы» в территориальные пределы «туземных народов» решила искупить свои вековые прегрешения, распахнув для мигрирующих (феодално-клановых) толпоистерий объятия собственных географических и индустриально-досуговых широт. При этом «искупление» трансформировалось в плюралистическую капитуляцию «всепримлемости» инородных социальных вторжений, выстраиваемых на земле обетованной западного изобилия автаркии культурного архаизма и цинично эксплуатирующих свою «легализованную неприкосновенность» в порносадических формах правового бесчинства, дикорастущего чванства и моральной инфантильности. В общем, «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало...»

Священные коровы мультикультурной политкорректности также весьма драматично и... *лингвототалитарно* проблематизировали себя в *шовинизме «распясавшихся» гендерных идентификаций и сопутствующем им (табуированном) лексическом «новоязе»*. Содом и Гоморра библейских иносказаний утратили свою диагностическую пропедевтику «самоубийственного пророчества» и оказались (эклектически) реанимированы в прямо противоположном качестве современных аксиологических доминант в области почкования человеческой (плюралистической) бесполости. В противовес природной естественности, предполагающей (про)дление человеческой генерации в чреде нарождающихся поколений, постулируется гендерная лабильность идентификационных индикаторов с явным уклоном в сторону неприятия гетеросексуальной семантики «продолжения рода» и подмены её «*плюрализмом индивидуально избранного эротизма*». Тенденции этого крена таковы, что феномен (человеческого) рождения (пере)доверяется не реальным отношениям между мужчиной и женщиной, а искусственным (и искусно навязываемым) *экооплодотворениям*, где сама «селективная база отцовства» обретает анонимный и (медицински) отрегулированный характер, а событие детопроизводства (и на старте, и на финише) максимально «технизмуется» на плановой основе. В публицистической литературе приводятся вопиющие случаи (авторитарного) навязывания полоролевой субъектности со стороны (сдвинуто-продвинутых) родителей, зомбирующих своих малолетних чад на предмет их «неправильной физиологической субстанции», требующей поведенческой и анатомической ревизии.

Из повседневного языка и паспортных свидетельств вымываются природные маркеры гендерной принадлежности, а её «описание» в языке «бинарных оппозиций» приравнивается к покушению на «субъективное самоопределение». *Местомения «от третьего лица» и родительские статусы (мать-отец) подвергаются одиозной критике*, настаивающей на том, что они индикативно неприемлемы, ибо «ранжируют» бытийную полифонию социального и эротического плюрализма, задавая последним иерархическую мифологию. Одновременно любые лексические отсылки к этническому, расовому и иным «конкретизациям» трактуются как «чреватые этической бестактностью» и могущие сохранять своё речевое присутствие, лишь в словопрениях «аутентичных носителей соответствующей социально-исторической Самости». Вот такой *плюрализм с изъятиями*.

Язык эзоповых эвфемизмов становится риторической деликатностью «цивилизационных элит», но не распространяется на «малых и сырых мира сего», которым разрешается пренебрегать «корректурой сдержанности». На уровне рафинированных эстетствований «спичрайтеров от словесности» *плюралистические эклектемы* и смысловые изыски набирают свою популярность и начинают расширенно (и повсеместно) воспроизводиться посредством «эссеистики размытых мыслеобразов». *Эссеизм становится артикулятором современности*, разрешившим себе (произ)вольность мышления и речи, более не обязанных чтить «систематичность (об)основания» и свободно фрилансирующих от ассоциации к ассоциации, к шарадам и ребусам ситуативного (клипового) воображения.

Вселенской человеческой самобытности объявлена война. Аксиологические скрепы общечеловеческого (и надбиологического) в человеке театрализовано осмеиваются и отменяются. Абсурдное, сумасбродное, агрессивно-местечковое и противоестественное, тщатся стать самодостаточным (массовым) смыслом... Везде и во всём...